

БАПТИСТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Кто такие баптисты? Часто бывает, что для не-баптистов ответ на этот вопрос дать проще, чем для самих баптистов. Это движение очень разнообразно и фрагментировано, оно рассеяно по всем континентам и разным странам и не имеет единого управляющего центра, не связано общим исповеданием веры, отличается широтой и многообразием богословских взглядов от фундаментализма до либерализма, от кальвинизма до арминианства и т.д. Чаще всего баптисты узнают друг друга не по одинаковости взглядов, а по духу и совпадению ценностей и основополагающих библейских принципов. Они могут отличаться друг от друга, как дети в семье, схожесть которых обнаруживается не столько между собой, сколько с родителями. Баптисты ищут единство между собой не в едином кредо, но в Библии, как в изначальном фундаменте веры. Баптизм – это динамическое богословское движение, в котором каждое поколение контекстуализирует свою веру и переопределяет основные принципы своей духовной жизни. Поэтому в баптистском наследии существует много различных вероисповедальных документов.

К концу XX века баптистское движение осознало себя перед лицом сокрушительных цивилизационных сдвигов и поэтому не случайно на разных уровнях в баптизме появляются попытки переосмыслить акценты своих богословских взглядов. Появляется ряд документов, которые демонстрируют отзывчивость баптизма на изменения, происходящие в обществе. Так, в 1989 г. Комитет по баптистскому наследию Всемирного баптистского альянса подготовил в Загребе «Заявление к баптистской идентичности» который, как указывается в преамбуле, является описательным, а не вероучительным документом, и который удачно представляет разнообразие баптистских взглядов и позиций. Это было приглашение к диалогу, и в 1997 году группа североамериканских баптистских богословов подготовила документ, который они назвали «Переосмысление баптистской идентичности» с несколько претензиозным подзаголовком «Манифест к баптистским общинам Северной Америки».

Как заметил Джеймс Маклендон, «богословский отец» *Манифеста*, этот документ следует рассматривать, как «беседу между друзьями», а другой известный богослов, оказавший большое влияния на этот текст, Кертис Фриман, указывал, что Манифест «не был представлен в каче-

стве заключительного слова, а был предложен в качестве вступительного заявления в разговоре и мы рады, что он породил вдумчивые (а иногда и горячие) размышления как в академическом, так и в общественном контексте»^[1]. В свою очередь, Стивен Хармон, профессор исторического богословия в университете Гарднер-Уэбб, утверждает, что *Манифест* «функционировал как своеобразная Барменская декларация для тех баптистов, которые противостояли движению к опасной идеологической поляризации деноминационного спора, разразившегося тогда в Южной баптистской конвенции»^[2]. Таким образом, очерчивается контекст этого документа: конфликт фундаменталистского и умеренного крыла в Южной баптистской конвенции, который в итоге закончился институциональной победой первых. Авторы документа пытаются выйти за рамки этого конфликта, указывая на модернистские корни, которые питают оба лагеря, а также отсылая к свободе, утвержденной в свободе триединого Бога.

Манифест «Переосмысление баптистской идентичности» был опубликован в журнале *Baptists Today*^[3] в 1997 году. Его подписали 55 известных североамериканских богословов, и он сразу вызвал широкую дискуссию. Этот документ призывает к верному ученичеству, подчеркивая «общность» как основную ценность баптистов и описывает, что такое свобода, и что ею не является. Связь концепции свободы с общинностью позволяет избежать опасности скатывания к произволу индивидуализма, связывая свободу отдельных членов с служением друг другу в духе любви^[4]. Кроме того, община как место присутствия Христа и действия Святого Духа служит источником авторитета^[5]. Это позволяет по-новому

^[1] Curtis W Freeman, 'A New Perspective on Baptist Identity', *Perspectives in Religious Studies* 26, no. 1 (1999), 59.

^[2] Steven R Harmon, *Baptist Identity and the Ecumenical Future: Story, Tradition, and the Recovery of Community* (Waco, TX: Baylor University Press, 2016), 179.

^[3] *Baptists Today*, 26 June 1997, 8–10; Первоначальное название журнала «SBC today» – это популярный журнал Южной баптистской конвенции, который в настоящее время называется «Nurturing Faith».

^[4] Не все читатели *Манифеста* согласились с выдвиганием общинности в качестве ключевой ценности. Так баптистский историк Уолтер Шарден (Walter Shurden) выступил с достаточно резкой критикой основных положений текста. См. Walter B. Shurden, 'The Baptist Identity and The Baptist Manifesto', *Perspectives in Religious Studies* 25, no. 4 (1998): 321–40. См. также Robert P. Jones, 'Revision-Ing Baptist Identity from a Theocentric Perspective', *Perspectives in Religious Studies* 26, no. 1 (1999): 35–57. Ответ на критику см. в Curtis W. Freeman, 'Can Baptist Theology Be Revisioned', *Perspectives in Religious Studies* 24, no. 3 (Fall 1997): 273–310; Curtis W. Freeman, 'A New Perspective on Baptist Identity', *Perspectives in Religious Studies* 26, no. 1 (1999): 59–65; Philip E. Thompson, 'Re-Envisioning Baptist Identity: Historical, Theological, and Liturgical Analysis', *Perspectives in Religious Studies* 27, no. 3 (2000): 287–302.

^[5] Подробнее об этом см. Steven R. Harmon and Paul Avis, *Towards Baptist Catholicity: Essays on Tradition and the Baptist Vision* (Milton Keynes, UK; Waynesboro, Ga.: Paternoster, 2006), 11–13; 39–70; Harmon, *Baptist Identity and the Ecumenical Future*, 176–88.

утвердить базовую экклезиологическую ориентацию баптистской идентичности, нивелируя утвердившийся стереотип о подчеркнутом индивидуализме баптизма.

После введения, в котором подчеркивается природа свободы, *Манифест* содержит пять заявлений, смысл которых затем раскрывается более подробно и каждое из которых заканчивается словами: «Мы призываем всех к свободе верного и общинного...»

1. Чтения Писания,
2. Ученичества,
3. Воплощения церкви верующих,
4. Отправления Господних памятных знаков,
5. Свидетельства обществу.

Завершается *Манифест* заключением, которое призывает распрощаться с эпохой модернизма и вернуться к баптистскому наследию. Этот документ сопровождается Обращением шести авторов к баптистам Северной Америки, которое призывает к единству и диалогу и обращает внимание на необходимость перейти от негативного богословия, выступающего против других взглядов и конфессий к созидающему богословию, провозглашающему Евангелие в противостоящем Христу мире.

Хотя после опубликования этого документа прошло более 20 лет, для баптистского движения на постсоветском пространстве он представляется актуальной попыткой начать переосмысление своей идентичности. Общины евангельских христиан-баптистов в нашей части мира стоят перед вызовом быстро меняющегося общества, смены ценностей и незримым присутствием постмодернизма. Миссия и жизнь церквей находится под давлением индивидуализма, разрушающего общинность; испытывает удары политической и медиа агрессии. Это ведет к тому, что вопросы сохранения своей идентичности в условиях свободы становятся острыми, как никогда. Публикуемый *Манифест* отражает контекст баптизма Северной Америки конца XX ст., но возможно он станет отправной точкой для богословского осмысления проблем нашего сообщества и поможет начать рефлексию на ситуацию, в которой находится баптизм Восточной Европы.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ БАПТИСТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Манифест к баптистским общинам Северной Америки*

Дорогие сестры и братья-баптисты,

Настоящим письмом мы хотели бы предложить вам рассмотреть следующее богословское предложение. Уже длительное время баптисты в Северной Америке пребывают в разобщенном и разрозненном состоянии, причем зачастую это разобщение происходило по самым нелепым причинам. В современных богословских кругах многие баптистские богословы слишком неуверенно себя чувствуют, чтобы выступить с конструктивными богословскими предложениями. Критика существующего популярного богословия либо слишком сдержанна, либо настолько заидеологизирована, что редко добирается до сути того, что когда-то было в основе баптистского богословского наследия.

Слишком долго баптистское богословие выступало против католиков, англикан, кампбелитов, методистов, не говоря уже о либералах, фундаменталистах, педобаптистах, радикальных харизматах и всех, кого сегодня именуют «плохими ребятами» из других церквей или богословских лагерей. Однако баптистское богословие не должно быть направлено против церкви. Оно должно быть за церковь и евангелие в противостоящем Христу мире.

Мы убеждены, что сегодня растет число баптистов, которые хотели бы увидеть новое богословское направление. Возможно, вы входите в число этих людей. Поэтому мы просим вас рассмотреть нижеследующие положения «Переосмысления баптистской идентичности». Прочитайте этот документ внимательно и вдумчиво. Следует сказать, что он не совершенен. Но это только начало. Мы надеемся, что он положит начало диалогу баптистов разного толка. Мы приглашаем вас помочь нам ознакомить других баптистов с заявленными в документе утверждениями. Сообщите нам обычной или электронной почтой, хотели ли бы вы принять участие в дискуссии с большим количеством людей, желающих переосмыслить идентичность баптистов.

С надеждой,

Mikael Broadway
900 Demerius St.
Durham NC 27701
mbway@pop.mindspring.com

Curtis Freeman
7502 Fondren Road
Houston TX 77074-3298
cfreeman@hbu.edu

Barry Harvey
Baylor University
Waco TX 76798
barry_harvey@baylor.edu

James Wm. McClendon, Jr.
135 North Oakland Ave.
Pasadena CA 91182

Elizabeth Newman
52560 Brighton Park
South Bend IN 46637
bnewman@saintmarys.edu

Philip Thompson
PO Box 128
Pendleton NC 27862
thompp@micah.chowan.edu

* Перевод выполнен с текста *Манифеста*, опубликованного в *Baptists Today* (26 June 1997), 8-10. Перевод Татьяны Герасимчук и Вячеслава Герасимчук.

Всем в Северной Америке, кто называет себя «баптистами», кто в Иисусе Христе «как живые камни устрояют из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (1 Пет. 2:4-5) — благодать и мир вам да умножится. С самого начала мы, баптисты, пользовались свободой, милостию дарованной нам Богом в Иисусе Христе (Гал. 5:1; Ин. 8:31-32). Свобода во Христе — это дар, а не данность. Эта свобода — не только самоопределение. Она не берет свои корни от того, что мы сейчас называем естественными или социальными правами человека. Ее невозможно завоевать, заполучить или заслужить личными усилиями или усилиями каких-либо общественных институтов или организаций. Свобода принадлежит к тем дарам Божиим в Его новом творении, к которым мы причастны чрез верность Христу (2 Кор. 5:17; Рим. 5:15).

Божья свобода служит образцом для дара свободы во Христе. Таким образом, свобода, делающаяся нашим достоянием во Христе, не может пониматься вне общения Святого Духа (2 Кор. 13:13; 3:17), обличает нас во грехе (Ин. 16:8-11), ведет к покаянию (Рим. 2:4; Деян. 5:31), обращает к вере (Рим. 8:9; 1 Кор. 12:3), обновляет через возрождение (Ин. 3:5-6; Тит. 3:4-5), очищает к святости (Рим. 15:16; Гал. 5:16; 1 Пет. 1:2), удостоверяет в спасении (Рим. 8:15; Гал. 4:6; Еф. 1:13-14), водворяет в Свою церковь (1 Кор. 12:13), дает способность принимать мудрые решения (Ин. 14:26, 20:22-23; 1 Кор. 2:14-16, 12:10) и готовит к служению (1 Кор. 12:11). Свобода человека может существовать только в тесной связи с триединым Богом, который любвеобильно творит, мудро управляет, милосердно искупляет и праведно судит мир. К этим отношениям свободы и призывает Бог людей всех племен и языков, народов и рас — быть царственным священством, служить нашему Богу и владычествовать на земле (Откр. 5:9-10).

Свобода народа Божьего — это свобода от господства греховных и эгоистических человеческих порывов (Рим. 7:24-25; Еф. 2:1-10). Мы свободны служить Христу и друг другу (Гал. 5:1, 13), свободны быть братьями и сестрами первенца Иисуса (Рим. 8:14-17, 29; Кол. 1:15, 18; Ин. 1:12-13), свободны быть частью нового человечества, которое Бог призывает и формирует из всех народов (Еф. 2:15; 2 Кор. 5:17; Иак. 1:18; Откр. 14:4). Ввиду того, что свобода явлена нам как дар, она существует не для того, чтобы мы ею пользовались для своих личных потребностей. Свобода — это то, с чем мы сталкиваемся в божественном общении триединого Бога и христианском сообществе, которое причастно этому святому общению (1 Ин. 1:3). Свобода человека в новом творении — это образ свободы Творца, который пожелал быть свободным не в одиночестве, а ради Своего творения (Быт. 1:26-30).

Баптисты с самого начала были верными свидетелями этой свободы. Свобода совести понималась ранними баптистами не в либертарианском смысле. Они были убеждены, что к вере не должно и, в сущности, невозможно принуждать силой или властью. Это понимание свободы кардинально отличается от современного понимания, согласно которому само выражение воли – величайшее благо. Тем не менее, мы признаем, что понимание свободы, с которым мы не согласны, к середине восемнадцатого века пустило глубокие корни в северо-американской баптистской традиции. Однако баптистское наследие уже оформилось до начала формирования современных демократических сообществ в Северной Америке. Поэтому мы черпаем из ранних источников баптистского наследия и других примеров в традиции церкви верующих (или баптистов), противостоящих современным понятиям свободы и практикующих более общинное ученичество. Таким образом, мы ищем то понимание свободы, которое бы отвечало стандартам библейского свидетельства и самой ранней сути баптистского наследия.

В современной жизни баптистов эту драгоценную свободу подстерегают две ошибочные стези. Первой следуют те, кто пытается свести Божью свободу к узкой библейской интерпретации и принудительному согласию с вышестоящим авторитетом. Другой идут те, кто отделяет свободу от нашего членства в теле Христовом и легитимной власти общины, путая дар Божий с понятиями автономии или либертарианскими теориями. Мы осознаем, что эти два представления о свободе, на первый взгляд кажущиеся разными, на самом деле определяют свободу как свойство человеческого естества в отрыве от свободы Божьей в Иисусе Христе и Святом Духе. Мы отвергаем эти представления как ложные и не отдаем предпочтение какому-либо из них, поскольку понимаем, что ложная свобода приведет баптистов к тому, что слава Божья уступит место мерзости идолов (Рим. 1:21-23). Только свобода Евангелия избавляет нас от идолопоклонства, включая поклонение самому себе. Мы становимся свободны для того, чтобы служить живому и истинному Богу и ожидать с небес Его Сына, которого Он воскресил из мертвых (1 Фес. 1:9-10; Тит. 2:11-14; Деян. 1:11). Мы приглашаем баптистов стать частью сообщества мыслящих таким образом людей и присоединиться к нам для того, чтобы противостоять всем деструктивным идеологиям, подрывающим суть евангельской весты. В этой связи мы предлагаем следующие утверждения как описание свободы, верности и общности.

I

Мы утверждаем изучение Библии в контексте читающего сообщества в противовес личному толкованию или мнимой «научной» объективности.

Мы верим, что мы вновь приобщаемся к свободе Божьей каждый раз, когда собираемся вокруг открытой Библии, ибо только истина Слова Божьего делает нас свободными (Рим. 11:17; Ин. 8:31-32). Такая свобода – следствие, а не условие изучения Писания. Поэтому Бог призывает нас к свободе, которую мы можем получить посредством верного и совместного изучения Писания (Ин. 5:39; Деян. 17:11). Ввиду того, что все христиане по благодати обладают определенным даром, каждый может принести в обсуждение свою лепту, однако в связи с тем, что некоторые члены тела Христова особо призваны быть учителями «к совершению святых», каждый может чему-то научиться от тех, кто обладает дарами учительства (Еф. 4:7-16). Посему мы утверждаем, что всюду, где сообщество верных сестер и братьев по вере рассуждает вместе над Писанием, имеет место открытый и упорядоченный процесс, не требующий извне какого-либо дополнительного просвещения. Когда все члены проявляют свои дары и призвание, когда голос каждого услышан и взвешен, когда никого не принуждают замолчать, равно как и никого не выделяют особым предпочтением, тогда Дух направляет общины к мудрому чтению Писания, а также к верному применению евангельских постановлений (1 Кор. 14:26-29).

Мы отвергаем любые формы авторитарного истолкования, независимо от его источника – академических кругов или священнослужителей. Соответственно мы отрицаем, что Библию как Писание можно читать с помощью, так называемого, научного или объективного толковательного метода (например, литературно-грамматического, историко-критического и т.д.) в отрыве от Евангелия и общины, в которой провозглашается Евангелие. Писание мудро запрещает, и мы также отвергаем любые формы частной интерпретации, которые превращают чтение Библии в практику, питающую совесть отдельных людей (2Пет. 1:20-21). Поэтому мы не поддерживаем изучение Библии вне сообщества верующих или такое, которое предоставляет отдельному читателю неконтролируемое право ее толкования. *Мы призываем людей к свободе верного и общинного чтения Писания.*

II

50 **Мы утверждаем, что следование за Иисусом – это призыв к совместному ученичеству, а не апелляция к теории компетентности души.^[1]**

^[1] Концепция «компетентности души» была предложена баптистским служителем и богословом Эдгаром Маллинсом в книге Edgar Young Mullins, *The Axioms of Religion; a New Interpretation of the Baptist Faith* (Philadelphia, New York: American Baptist Publication Society, 1908), 127–49. Она подразумевает, что религия – это вопрос исключительно личных отношений индивидуума и Бога. Неверно понятая, данная концепция приводила к ярко выраженному индивидуализму в североамериканской баптистской традиции. (Прим. редактора перевода).

Мы считаем, что в следовании призыву возвращать учеников Христовых мы находим истинную свободу (Мф. 4:19; 8:22; 9:9; 10:38 и т.д.). Так же, как образ Божьей свободы стал плотью в Иисусе из Назарета, так и мы, Его последователи, имеем часть в даре свободы, предоставляя свои тела Богу как жертву живую и, таким образом, превознося Христа и в жизни своей, и в смерти (Ин. 1:14; Рим. 12:1; Флп. 1:20). Таким образом, Бог призывает нас к свободе верного ученичества, которое мы можем достигать посредством участия в следовании за Иисусом; следование же начинается с нашего исповедания веры (Мф. 16:15; Рим. 10:9-13) и продолжается всю жизнь под сенью креста, который мы должны нести (Лк. 9:23). Такое ученичество требует жизни взаимной подотчетности в церкви. Ученики не могут оставаться в стороне от церкви, ее жизни, провозглашения, общения, служения, страдания и мира (Лк. 4:16; Деян. 2:42; 1 Кор. 12:12-26; Евр. 10:25). Только тогда, когда мы вместе подчинены господству Христа, мы можем различать с помощью Духа то, от чего мы освобождены, и то, к чему мы призваны (Мф. 18:15-20; Ин. 20:22-23). В такой общинной жизни Бог избрал нас служить священниками не для себя, но друг для друга. Посредством наших взаимообязывающих священнических деяний, исповедания веры и исчерпывающего исповедания вины перед церковью мы можем провозглашать могущественные дела Божьего милосердия (Ис. 61:6; 1 Пет. 2:9-10; Иак. 5:16; Отк. 1:6; 5:10; 20:6).

Мы отвергаем все модели следования за Иисусом, которые представляют веру личным делом, касающимся только Бога и человека, или деятельностью компетентных душ, которые могут сами по себе наслаждаться непосредственным, неопровержимым и бестелесным опытом общения с Богом. Мы также отвергаем все отождествления священства верующих с автономным индивидуализмом, который утверждает, что мы можем делать, что угодно и верить, во что хотим, вне зависимости от суждения и исповедания церкви. Наконец, мы отвергаем лжеучение, которое вкладывает другой смысл в евангельскую свободу, определяя ее как поиск самореализации в отрыве от примера Иисуса Христа (Флп. 2:5-11). *Мы призываем всех к свободе верного и общинного ученичества.*

III

Мы утверждаем свободную общинную жизнь во Христе в собранных реформирующихся общинах, а не в замкнутых, самоизбранных или авторитарных.

Мы верим в то, что вместе с другими христианами Дух Святой собирает нас из всех народов (Ис. 56:7; Мк. 11:17; Отк. 5:9-10) и наделяет возможностью участвовать в даре Божьей свободы, чтобы через наши тела продолжалась примиряющая миссия Господа (1 Кор. 6:19-20; 2 Кор.

5:18). Мы также верим, что баптисты могут внести весомый вклад в осуществление Божьей миссии свободы. Практика крещения верующих и сознательного членства являет четкое видение церкви как общины, разделяющей единый отклик на Божью миссию, весть и Его обновляющее действие (Мф. 28:19-20; Деян. 2:38; 22:16). Мы стремимся осуществить это видение, и для этого наша общинная жизнь предлагает альтернативу бесконтрольной практике крещения. Мы обеспокоены тем, что в жизни многих христиан факт их крещения в смерть, погребение и воскресение Христа имеет либо незначительные последствия, либо не имеет их вообще. При этом наше воззвание к церкви верующих — не признак снисходительности к другим традициям. Прежде всего — это призыв пресечь практику номинального христианства в своих собственных рядах. И только во-вторых, наше воззвание следует расценивать как жест в сторону других традиций и общин, чтобы они возвращали учеников Христовых из тех людей, которых крестят. И в той мере, в которой мы будем верны нашему общему свидетельству о церкви верующих, до тех пор мы сможем заново воплощать собой церковь, которой было вверено призвание Боже к миссии (Мф. 28:19-20; Мк. 16:15; Лк. 24:46-48; Ин. 20:21; Деян. 1:8).

Мы смиренно признаем неудачи церкви верующих в верном свидетельстве о собственном экклезиологическом видении и обращаемся к церкви вселенской, проявляющейся по всему миру и на протяжении всей истории, за примерами верных церковных общин. Поскольку мы утверждаем, что верующие могут и должны многому учиться у других христианских традиций, мы отвергаем как ложную любую экклезиологию, заявляющую, что только собрание баптистских (или евангелических) общин может являть собой совокупность народа Божьего (1 Кор. 3:16-17; 12:12), или что какая-либо другая община (или ассоциация общин) может существовать автономно без связи с совокупностью народа Божьего (Ин. 17:21; 1 Кор. 12:12-26; Еф. 4:4-6; 1 Пет. 2:4-5). *Мы призываем других к свободе верного и общинного воплощения церкви верующих.*

IV

Мы утверждаем, что крещение, проповедь и трапеза Господня — мощные знаки, запечатлевающие Божью верность во Христе и выражающие наш отклик благоговеющей благодарности, и не являются формально-механическими ритуалами или всего лишь символами.

Мы не отрицаем того, что Бог может укреплять веру христиан посредством новых форм и провиденциальных путей. Тем не менее, крещение, провозглашение [Евангелия] и трапеза Господня, учрежденные Господом и подлежащие верному исполнению до скончания времен (Мф. 28:19-20; Мк. 16:15; 1 Кор. 11:23-26; Мф. 26:26-29; Мк. 14:22-25),

пребывали и питали народ Божий на протяжении всех веков по мере того, как мы торим наш путь в этом мире. В этих и посредством этих памятных практик Божья благодать и христианское повиновение сходятся воедино в видимом знаке нового творения. Повторяя эти знаки, мы учимся видеть мир созданным и искупленным Богом. Дух, исходящий от Отца и через Сына, делает исполнение этих практик действенным с тем, чтобы запечатлеть и питать веру и свободу верующих.

Крещение — это знак нашего общения с распятым и воскресшим Господом. Мы погребаемся со Христом в водную могилу (Рим. 6:3; Кол. 2:12) и воскресаем силой Духа Божьего, чтобы ходить в воскресшей жизни нового творения (Рим. 6:4-5; 2 Кор. 5:17; Гал. 3:27-28; 6:15; Кол. 3:1). Наше возрождение посредством Духа Святого (Ин. 3:3, 6; 1:12-13; Тит. 3:5; 1 Пет. 1:3, 23) запечатлено в крещении до тех пор, пока Господь не завершит дело нашего спасения (Деян. 2:38; 10:47-48; 19:5-6; 1 Пет. 3:21-22; 1 Кор. 12:13; 2 Кор. 1:21-22; 5:5; Еф. 1:13-14; Рим. 8:23). Отделенные в водах крещения, мы напоминаем себе, что наша жизнь уже нам не принадлежит, мы были куплены и за нас была заплачена цена (Кол. 2:20; 3:3; 1 Кор. 6:19-20). Таким образом, посредством крещения мы входим в завет взаимной подотчетности и ученичества со всем сообществом верных (Мф. 18:15-20).

Проповедь становится знаком тогда, когда проповедующие и слушающие могут засвидетельствовать о судящей и примиряющей благодати Слова Божьего (Еф. 1:13-14; 1 Кор. 14:24-25; Тит. 3:9; Евр. 4:12). Провозглашение Евангелия — это больше, чем произнесение человеческих слов. Проповедь становится Словом Божиим только тогда, когда силой Духа Святого Сам Бог говорит через эти слова, которые делают новое творение видимым и реальным. Будь это ревностно проповеданное Евангелие, аккуратно выстроенные проповеди или незатейливая и простая библейская весть — посредством всех этих средств передачи Бог милостиво объявляет Свое освобождающее Слово, в котором запечатлено спасение, явленное людям через наше провозглашение Евангелия (Деян. 10:44; Рим. 10:13-17; 1 Пет. 1:23). Провозглашение Евангелия может осуществляться всеми, кто наделен [для этого] даром Духа Святого и призван церковью (Деян. 11:19-21; 1 Пет. 4:10-11).

Хлеб — это знак тела Христова, и чаша — это знак нового завета в Его крови (Лк. 22:19-20; 1 Кор. 11:23-26). Когда мы вспоминаем Иисуса в причастии через хлеб общения и чашу жизни (1 Кор. 11:24-25), Сам Господь пребывает с нами (Мф. 26:26; Мк. 14:22; Лк. 22:19; 1 Кор. 11:24, 27-29) и тем самым провозглашает, что мы, многие, — одно тело (1 Кор. 10:17; Еф. 4:4-6). В вечере Господней Дух таким образом знаменует и запечатлевает завет, делающий нас едиными со Христом, и во Христе — едиными друг с другом. Тем не менее, мы должны постоянно стремиться

к тому, чтобы учиться вместе с братьями и сестрами тому, что означает быть народом примиренным и примиряющим, прощенным и прощающим (1 Кор. 11:17-22; 2 Кор. 5:17-21). Таким образом, всякий раз, когда мы вспоминаем Иисуса в вечере, мы обновляем наш залог веры и обновляемся благодатью Божьей, предвосхищая полноту нового творения (Мф. 14:25; 26:29; Лк. 14:15; 22:18, 30; Отк. 19:9).

Взгляд баптистов на «таинства» был слишком долго сосредоточен на теориях, сформировавшихся в позднем средневековье и ранней современной эпохе. Сейчас, когда эпоха модернизма приходит к своему завершению, самое время пересмотреть существующие практики, а также их значение для народа Божьего.

Мы отвергаем любые практики, ограничивающие присутствие воскресшего Господа рамками отправления предписанных знаков, мы также отвергаем любые утверждения, отрицающие реальность Его присутствия в актах, осуществляющих эти знаки. Господь присутствует и участвует как в отпращивании этих памятных знаков, так и среди сообщества, которое непосредственно осуществляет эту практику. Тем не менее, наибольшая опасность в церкви верующих состоит не в ложном понимании данных практик, но в пренебрежении ими. Крещение стало заменяться евангелизационным приглашением к покаянию. Проповедь заменяется другими средствами коммуникации. Вечеря проводится так редко, что христиане голодают от недостатка духовного питания. Мы отвергаем любые попытки сделать церковь и ее практики несущественными для наших отношений со Христом и друг с другом. *Мы призываем других к свободе верного общинного отпращивания Господних памятных знаков.*

V

Мы утверждаем свободу и отрицаем принуждение, поскольку являемся отдельным народом, ходящим под водительством Божиим и не полагающимся на различные политические теории, власти или авторитеты.

Мы считаем, что, когда народ Божий живет вместе как колония неба (Флп. 1:27; 3:20; Кол. 3:1-4; Евр. 11:8-10), дар свободы Божьей оградит его от посягательств любых светских правителей, сил или властей. Таким образом, мы подтверждаем убеждение исторической свободной церкви, считающей, что церковь должна быть отделена от контроля над ней, осуществляемого государством (Мф. 22:15-22; 1 Пет. 2:11-17), а также от использования принуждения и силы для распространения Евангелия (Мф. 5:21-26, 38-48; 26:52; Лк. 9:51-56; Рим. 12:14-21). Кроме того, мы считаем, что для верного свидетельства свободной церкви, мы должны не просто стремиться к организационной независимости церкви от гражданских властей. Мы должны также настойчиво добиваться независимости церкви от идолов национализма, расизма, этноцентризма,

экономических систем, гендерного доминирования или любых других сил, сопротивляющихся господству Иисуса Христа (Гал. 3:27-28; Деян. 10:34), который на кресте обезоружил мятежные силы и восторжествовал над ними (Кол. 2:15). Мы не можем просто согласиться с разгосударствлением церкви с помощью секулярных культурных сил, политических мер правительств или юридических решений судов. Разгосударствление церкви заложено в ее идентичности избранного Божьего сообщества, которое предвосхищает грядущее царство Божье как никакое иное сообщество. Мы также не можем принять условия национальных государств, которые ограничивают полномочия веры частным, внутренним, индивидуальным, и узкими сферами. Провозглашаемое нами Евангелие – это общедоступная весть для всех людей. Она обращается к внешней жизни верующих. Она призывает особое сообщество, стремящееся воплотить царство Божье. Эта весть делает всеобъемлющие заявления обо всем мире. Мы утверждаем разгосударствление церкви как верную форму ее социального существования.

Разгосударствление церкви – это не просто интересный фрагмент баптистского фольклора, однако, если определение «свободная церковь» должно быть чем-то большим, чем пустая фраза, то оно должно относиться к отличительному образу жизни в мире и взаимодействию с ним. Мы считаем, что в плюралистическом обществе Северной Америки только политически и культурно независимые церкви могут убедить своих членов и других в евангельской истине (Рим. 1:16). Сообщество людей, призванных быть «городом, стоящим на верху горы» (Мф. 5:14), – это не какая-либо мирская сила или власть. Это образцовое сообщество – свободная и верная церковь Иисуса Христа. Неправильно истолковываемая и используемая евангельская свобода превращает церковь в инструмент начальств и властей (Еф. 1:21; 2:2; 3:10; 6:12; Кол. 1:16; 2:10, 15; Тит. 3:1). Навыки, которым мы учимся в общине, где практикуется крещение и воспоминание страданий Христа, помогают нам противостоять этим властям, которые в противном случае будут определять нашу жизнь. Только такой особый народ может засвидетельствовать начальствам и властям нынешнего века домостроительство тайны, сокрытой от вечности в Боге, сотворившем вселенную (Еф. 3:10). В свободной и верной церкви сообщество крещенных верующих вместе со всем творением может узнать, что есть Бог, который суть начало и конец всего и особенно нашей свободы (Отк. 1:8).

Мы отвергаем любые попытки утвердить видение церкви – баптистской или любой другой – средствами гражданской или политической власти. Таким образом, мы отвергаем все подобные константиновские стратегии. Несмотря на то, что мы стараемся жить в мире со всеми людьми (Рим. 2:10; 14:19; 2 Тим. 2:22; Евр. 12:14) и стремиться к миру в том

городе, где живем (Иер. 29:7), наши взоры и сердца устремлены к гармонии другого города (1 Кор. 7:15; Евр. 11:10; Отк. 21:1-2), гражданами которого мы являемся (Еф. 2:19-22), уставы которого исполняем (Флп. 1:27; 3:20; 1 Пет. 2:11-12), чей Господь есть наш единственный мир (Еф. 2:14-15; Кол. 1:21-22; Евр. 7:2, 15-17; Отк. 1:4). Поэтому мы внимаем призыву быть солью и светом, идя в мир и бросая вызов властям миром и свободой Евангелия (Мф. 5:13-14). Поэтому мы отвергаем любые попытки нехристианских политических вариантов отделения церкви и государства определить границы или природу нашего свидетельства в качестве свободного и верного народа Божьего. *Мы призываем других к свободе верного и общинного свидетельства обществу.*

Среди современных баптистов евангельское свидетельство находится в опасности крена в сторону правых или левых идеологий, которые чужды содержанию и общему направлению благодати. Для многих наблюдателей кризис может казаться всего лишь материализацией культурных конфликтов, которые стравливают консерваторов и либералов, цветных и белых американцев, женщин и мужчин, одни заинтересованные группы людей с другими группами. То, что в этих программах принято называть «свободой», Евангелие называет зависимостью от лжебогов национализма, классовости и нарциссизма. Трагедия христиан состоит в том, что культурные конфликты пересилили и вобрали в себя основные задачи церкви. Борьба за души баптистов в Северной Америке и есть борьба со всеми этими лжебогами. И эта борьба не сводится к борьбе одних лжебогов против других. Тем не менее, некоторые баптисты считают, что это не так. Мы же с ними не согласны.

Идеологии и богословия правого и левого толка, хоть и выглядят непохожими, на самом деле связаны близкими родственными узами. Их объединяет способность приспособиться к модернизму и всем предпосылкам эпохи Просвещения. Некоторые баптисты (следующие тради-

^[2] Mullins, *Axioms of Religion*.

^[3] Douglas Clyde MacIntosh, *Personal Religion* (New York: C. Scribner's Sons, 1942).

^[4] Принстонское богословие — традиция консервативного реформатского богословия, связанного с Принстонской богословской семинарией в период с 1812 по 1920. Наиболее яркие представители Чарльз Ходж (1797–1878) и Б.Б. Уорфилд (1851–1921). Характеризуется соединением преданности авторитету Библии, кальвинистской ортодоксии, евангельского религиозного опыта и шотландской философии здравого смысла. (Прим. редактора перевода).

^[5] «Основы» (*The Fundamentals: A Testimony to the Truth*) — изначально двенадцать томов, вобравших в себя девяносто статей, опубликованных в 1910–1915 гг. Цель публикаций — утвердить основные положения христианской веры в ответ на рационалистическую критику, и подвергнуть критике либеральное богословское крыло и библейскую критику. Сборник считают основой фундаментализма — богословского движения конца XIX — первой половины XX века, отстаивавшему буквальное толкование Писания, учение о непогрешимости Библии и диспенсационалистскую эсхатологию. (Прим. редактора перевода).

ции, изложенной в «Аксиомах религии» Э.Д. Маллинса^[2] или «Личной религии» Д. К. Макинтоша^[3]) прониклись духом модернизма, определяя свободу в терминах идей эпохи Просвещения об автономной нравственности и объективной рациональности. Другие (следующие традициям Принстонского богословия^[4] и сборника «Основы»^[5]) выступили против модернизма, однако при этом по иронии судьбы еще сильнее укрепили те же модернистские позиции через индивидуализм возрожденческого религиозного опыта и самоочевидность истины, доступной здравому смыслу. Вопрос не в том, взяли ли эти противоположные стороны на вооружение модернизм. Правда в том, что и те и другие пьют одну и ту же воду, пусть и почерпнутую из разных колодцев. Мы считаем, что примирение с индивидуализмом и рационализмом модернизма ослабляет церковь, превращая живую и воплощенную христианскую веру в абстрактный и мифический гнозис (1 Тим. 1:3-7).

Ввиду того, что порожденные модернизмом парадигмы уверенности, привилегии и силы уходят (1 Кор. 7:31), пришло время признать, что любое богословие, связанное с фундаментальными предпосылками эпохи Просвещения, разделяет общую участь. Поэтому мы призываем наших братьев-баптистов попросить прощения с модернизмом и его богословскими производными, ибо для нашей веры нет другого основания кроме Иисуса Христа (1 Кор. 3:11). Мы также считаем, что настоящий вызов, который на сегодняшний день предстоит принять баптистам, заключается в борьбе за осуществление свободного, верного и общинного ученичества, приверженного евангельским принципам и не прогибающегося под интеллектуальные или социальные программы, не имеющие части в истинном Евангелии (Рим. 1:16; Гал. 1:6).

Мы не принимаем ни одну из модернистских альтернатив. Мы призываем к возвращению баптистского наследия и пересмотру вопросов изучения Писания, жизни ученичества, воплощения верной церкви, отправлению памятных знаков и отделению церкви от мирских властей. Мы считаем, что сделанные нами утверждения соответствуют евангельским истинам и лучшему из нашего баптистского наследия. Мы убеждены, что, провозглашая данное видение свободы, верности и общинности, церковь может быть обновлена силой Духа Святого. Мы приглашаем всех несогласных с нами или имеющих вопросы, к диалогу. Посредством таких общений мы сможем достичь более ясного понимания затронутых вопросов, которые нам видятся основополагающими для процветания церкви Иисуса Христа. Мы призываем всех, кто готов присоединиться к данной декларации, сделать это, и самое важное — на деле показать истинность данных положений в поклонении, труде и свидетельстве свободного и верного народа Божьего.